

Однажды вечером три сестры купались в озере. Вот они наплавались, наплескались и вышли на берег. Две старшие оделись, а младшая — ее Эгле звали — только руку протянула к рубашке, вдруг кто-то как зашипит на нее! Посмотрела Эгле — это уж забрался в рукав.

— Уходи прочь! — закричала девушка.

— Пообещай, что пойдешь за меня замуж, — уйду, — сказал уж человеческим голосом.

Эгле рассердилась, а сестры смеются.

— Чем не жених тебе, — говорят, — соглашайся, сестрица.

И побежали домой.

Осталась Эгле одна на берегу. Солнце зашло, совсем стемнело. Страшно Эгле, да как без рубашки домой пойдешь?

— Милый уж, отдай рубашку! — просит она.

Уж все свое твердит:

— Назовись моей невестой.

— Ну, ладно, — крикнула Эгле, — будь по-твоему!

Уж выполз из рукава. А Эгле схватила рубашку — и скорей за сестрами.

На другое утро села Эгле у окошка пряжу прядь. Сидит — прядет, песни поет. Про ужа и думать забыла. Вдруг слышит — во дворе зашуршало, зашипело. Глянула девушка в оконце да так и обмерла со страху.

Полон двор ужей! Шипят ужи, извиваются. А три самых больших, самых толстых вползли на порог, сквозь щелку под дверь в дом проскользнули.

Эгле — скорей из комнаты да в клеть! Забилась в уголок, дрожит от страха.

А ужи говорят отцу с матерью:

— Пришли мы сватами от самого царя озерных вод. Снаряжайте вашу младшую дочь. Она за нашего господина обещала замуж пойти.

Что тут делать? Пусть хоть царь, а все равно гад ползучий, уж холодный, — как за такого любимую

дочь отдать! Да и отказать нельзя — сама девушка слово дала.

Как раз в ту пору у них старуха-соседка гостила. Та старуха и говорит потихоньку отцу с матерью:

— Отдайте вместо дочери гусыню. Где ужам разобраться!

Отец с матерью так и сделали. Вынесли белую гусыню и говорят сватам:

— Вот наша младшая дочь. Везите невесту к жениху.

Ужи посадили белую гусыню в корыто и повезли ее со двора. Только подъехали к воротам, слышат

— кукушка на заборе кукует:

Ку-ку, ку-ку!

Девушку припрятали,

Гусыню сосватали.

Ку-ку!

Воротились уж и в дом, зашипели, засвистели — подавай им настоящую невесту.

Опять старуха-соседка шепчет отцу с матерью:

— Выведите им белую овечку.

Мать с отцом привели белую овечку.

— Не хотелось с дочкой расставаться, — говорят ужам, — да что поделаешь! Берите ее, ведите к жениху.

Ужи повели белую овечку. Полдеревни провели, да с дерева на базарной площади опять закуковала кукушка:

Ку-ку, ку-ку!

Девушку припрятали,

Овечку сосватали.

Ку-ку!

Приползли сваты назад.

— Нет, — говорят, — не та невеста.

А старуха-соседка все учит:

— Отдайте ужам белую корову.

Привели белую корову, алой лентой ей шею обвили, отдали сватам.

Ужи погнались по деревне белую корову, до самой околицы довели. А за околицей на кусту кукушка сидит, по-кукушечьи говорит:

Ку-ку, ку-ку!

Девушку припрятали,

Корову сосватали,

Ку-ку!

Воротились сваты, говорят:

— Мы к вам с честью, а вы вот как? Три раза нас обманули! Смотрите: в четвертый обманете — не миновать вам беды. Зубами изгрызем мы ваши деревья в садах, хвостами побьем посевы на полях. Эгле услышала из клетки эти слова и вышла к сватам.

— Я, — говорит, — слово дала, я и отвечаю. Ведите меня к жениху.

Сваты по деревне ползут, за сватами Эгле идет, за Эгле уж и в пыли вьются — невесту к жениху провожают. А кукушка за ними летит, по-кукушечьи говорит:

Вот это невеста!

Умна и прелестна,
Стройна, точно елка,
Кудри, как из шелка!

Подошли к озеру. Вода в озере запенилась, забурлила и отхлынула от берега. А на прибрежном песке юноша появился — статный, красивый, в богатой одежде.

— Я жених твой, — сказал Эгле юноша. — Зовут меня Жолтис. Для других людей я уж, что по земле извивается, а для тебя, девушка, сбросил я змеиную кожу, тебе одной открыл свое имя. Полюбишь меня, красавица?

— Полюблю, — сказала Эгле, — буду тебе верной женой. — И пошла за женихом в подводное царство.

С тех пор девять лет минуло. Эгле родила своему мужу двух сыновей и дочку. Хорошо жилось Эгле. И дети удались — ласковые, послушные, и муж ее любил и берег. Только вот затосковала Эгле по родному дому. Стало ей подводное царство немило, захотелось на отца с матерью поглядеть, ласковым словом с братьями перекинуться, с сестрами за прялкой песни спеть.

Просит она мужа:

— Отпусти меня, Жолтис, домой погостить, отцу с матерью показать наших деток.

А Жолтис не отпускает.

— Разве плохо тебе в подводном царстве? — спрашивает ее.

— Нет, хорошо, — отвечает Эгле. — Да плоха та дочь, что отца и мать своих забудет навеки.

— Ну, будь по-твоему, — говорит Жолтис. — Отпущу тебя, только прежде спряди ты мне эту золотую кудель.

Эгле села за пряжу. День прядет, другой прядет, а кудель все не убывает. Будто даже больше становится.

А старая нянюшка, что младшую дочку нянчила, поглядела, как Эгле пряжу прядет, покачала головой и говорит:

— Хоть до моих лет доживешь, и то тебе не спрясть всей кудели.

— А что же, нянюшка, делать? — спрашивает Эгле.

— А ты накали спицу в огне, да и проткни ею кудель.

Взяла Эгле спицу, накалила добела и только воткнула в кудель — вдруг выскочила из клубка большая жаба. Эта жаба в кудели сидела и выпускала изо рта золотые нити. Эгле с одного конца пряжу прядла, а с другого конца кудель еще длиннее становилась. Ну, а теперь Эгле всю кудель в одну ночь спряла.

Наутро приносит она мужу пряжу и говорит:

— Что ты велел, то я исполнила: исполни и ты, что обещал.

— Хорошо, — отвечает Жолтис. — Я от своих слов не отказываюсь. Отпущу тебя к матери и отцу, когда ты эти башмаки сносишь.

Жолтис достал из-под лавки железные курпы и подал их жене.

Обула Эгле железные курпы. С утра до вечера ходит по острым камням, на скалы взбирается, а на железной подошве — хоть бы одна царапина.

Нянюшка смотрит на нее и головой качает:

— Зря себя, доченька, мучаешь, сто лет проживешь — сто лет курпы целы будут.

— Научи, нянюшка, что делать, — просит Эгле.

— Снеси кузнецу и вели их в горн бросить.

Так Эгле и сделала. Кузнец перекалил железо в горне, — стало оно ломкое да хрупкое, что стекло.

В один час износила Эгле курпы.

Приходит она к мужу и говорит:

— Теперь отпустишь?

— Отпущу, — говорит Жолтис. — Только как же ты без заячьего пирога в родном доме покажешься? Смотри, осудят тебя люди, — загордилась, скажут.

Тут Эгле и вспомнила. Еще когда она маленькой была и случалось отцу с матерью куда-нибудь из дому уезжать, — никогда они с пустыми руками не возвращались. Привезут пирог, всех детей куском оделят и притом такие слова скажут: «По дороге шли, в заячий домик зашли, заяц нам пирог испек, вот и вам кусок». Так и по всей Литве исстари велось. Стыдно стало Эгле, что она дедовский обычай забыла, и побежала она печь пирог.

А муж потихоньку все ведра и горшки припрятал, одно решето оставил. Как в решете воду носить, как тесто месить? Вода прольется в дырочки, мука просыплется.

Но и тут старая нянюшка помогла. Она взяла ржаного мягкого хлеба и залепила дырки. Эгле замесила в решете тесто, ни капельки воды не пролила, ни горсточку муки не просыпала.

Испекла Эгле пирог и стала с мужем прощаться.

Муж ей говорит:

— Больше девяти дней не гости, и смотри, как назад пойдешь, чтобы никто тебя не провожал. Стань на берегу и позови меня так:

Если жив мой друг бесценный, —

Забурли, вода проточная.

Из пучины бры-зни, пена,

Пена белая, молочная!

Если ж милый мой убит

И в пучине темной плавает, —

Над волною закипит

Пена красная, кровавая!

— И вы, мои сыновья, и ты, дочь, слово дайте — о чем знаете, людям не рассказывать.
Дали дети слово.

Тут Жолтис обернулся ужом и вынес жену с детьми на берег озера.

Вот радости-то было, когда Эгле со своими детьми в родной дом постучалась!

Отец и мать дочь да внуками не налюбуются, братья, сестры с Эгле не наговорятся.

Только соседи их дом стороной обходят. Меж собой говорят:

— Вернулась ужиха с уженятами. Хорошо еще — мужа своего дома оставила. Не было бы от них беды!

Братьям обидно. Стали они сестру уговаривать:

— Откажись от мужа, оставайся с нами навеки. А придет муж за тобой, — мы тебя не выдадим.

Эгле отвечает:

— Не дело вы, братья, говорите. Как жене от живого мужа отказываться, как детей родного отца лишить! И если не придет муж за мной, я сама, как время поспеет, из вод озерных его вызову.

— А как ты его вызывать станешь?

— Эх, братья! — отвечает Эгле. — Не вам его звать, не вам про то и знать. А меня лучше не спрашивайте, все равно не скажу.

А старуха-соседка учит братьев:

— Не с той стороны, — говорит, — подступаете. Что мать не скажет — малые дети выболтают.

Вот собрались братья ночью в лес коней пасти и старшего сына Эгле с собой взяли. В лесу коней на зеленую траву пустили, разложили костер и стали у мальчика выпрашивать, как отца по имени зовут и на какой он зов отзывается.

Ничего им старший сын не сказал. Лаской выпрашивают — отмалчивается, побоями выпытывают — только плачет.

— Ну, — говорят братья, — этот в мать пошел, может, с младшим лучше сговоримся.

Утром вернулись они домой. Эгле спрашивает у сына:

— Отчего у тебя, сыночек, глаза красные?

— В лесу костер дымно горел, — отвечает ей сын, — вот глаза и покраснели.
 На следующую ночь опять пошли братья в лес коней пасти и звали с собой младшего сына Эгле.
 Да и от него ничего не добились.

Вернулись наутро домой. Эгле глянула на сына и спрашивает:

— Что это, сыночек, и у тебя глаза красные? Не обидели ли тебя дядюшки?

— Нет, не обидели, — отвечает ей сын. — Я всю ночь не спал, коней стерег, вот и покраснели глаза.
 И на третью ночь собрались братья в лес. Приласкали они маленькую племянницу и с собой заманили.

Была она у матери с нянюшкой любимым дитятей. Никто ее никогда и пальцем не тронул, злого слова не сказал. Вот стали ее дяди выпрашивать да выпытывать. Она в землю глазками уперлась, молчит, только головой качает: «Не знаю я ничего». А как пригрозили ей дяди гибким прутом, — она задрожала вся, побелела, что платок, да все и рассказала. И как отцово имя — сказала, и на какой он зов отзывается — открыла.

Ну, дядьям только того и надо. Еще пригрозили ей, чтобы она перед матерью и словом не обмолвилась, и отвели ее домой.

А сами захватили косы, пошли к озеру. Сделали они злое дело, косы о траву вытерли и воротились назад. Только стали косы в сенях вешать, услышала Эгле железный звон, и сжалось у нее сердце.

— Что, братья, — спрашивает, — так рано на работу выходили?

Братья отвечают:

— Густая трава по утренней росе ровнее ложится.

А Эгле все душой неспокойна. В тот же день собралась она назад к мужу. У порога с матерью и отцом попрощалась, у ворот сестер, братьев обняла, — никому провожать себя не позволила.

Подошла она с детьми к озеру, стала на бережку и сказала, как муж ее научил:

Если жив мой друг бесценный,
 Забурли, вода проточная,
 Из пучины брызги, пена,
 Пена белая, молочная!
 Если ж милый мой убит
 И в пучине темной плавает, —

Над волною закипит
 Пена красная, кровавая!

Тут всколыхнулись озерные воды, пеной вспенились. Да не белая пена на волнах качается, не белая, как молоко, а красная, как кровь. И со дна голос слышался:

В час туманный,
 В час рассветный
 Я людьми загублен злыми
 Дочка милая,
 Зачем ты
 Назвала отцово имя?

Заплакала, зарыдала Эгле. Потом обернулась к детям и сказала:

— Нет у вас ласкового отца, нет у меня любимого мужа. Никто нас в подводном царстве не приветит, а под одним кровом с злыми убийцами нам не жить. Пусть же будет так, как я скажу:

Верным сынам моим, юным героям,
 Слово сдержавшим отважно и твердо, —

Дубом и ясенем стать над горою,
Буре не кланяясь, виситься гордо.
Дочке же — девочке, сердцем не сильной,
Сердцем не сильной, не крепкой душою, —
Трепетным деревом, робкой осиною
Вечно дрожать на болоте листвою.
Мне же подняться в зеленом уборе,
Елью угрюмою, елью ветвистою, —
Вечно ронять мне в сумрачном горе
Слезы прозрачные, слезы смолистые...

И как сказала, так и сделалось. Старший сын превратился в дуб высокий, младший — в ясень, а дочь — в трепетную осину. Сама же Эгле стала над озером темною елью.

С тех пор и повелись на земле ель, дуб, ясень и осина. Печальной вдовой клонит ель свои ветви долу. Чуть дохнет ветер — дрожат, точно от страха, у осины мелкие листочки. А у дуба и у ясеня стволы крепки и тверды, как сердце верного человека. А почему это так, только тот и знает, кто слышал от дедов про бедную Эгле и про ее детей.